

УДК 316.444.051

ОЛЬГА КУЦЕНКО,

доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных структур и социальных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

**Социальные классы и
политическая мобилизация
(сравнительный анализ европейских стран
сквозь призму трех типов классовых расколов)¹**

Аннотация

Представлены результаты эмпирического изучения конвенциональных форм политической мобилизованности социальных классов в разных типах европейских обществ, включая Украину. В основу исследования положена авторская концепция структурирования классовых позиций по трем линиям расколов в доступе к ресурсам господства и влияния: ресурсам собственности на средства производства, управления и контроля, конкурентных знаний и умений. На основе данных Европейского социального исследования 4-й волны (2007–2008) проанализированы различия в проявлении политической мобилизованности альтернативных классов по “исторической капиталистической”, “организационной” и “меритократической” линиям расколов в четырех типах европейских стран: в странах “исторического капитализма” с развитым и с развивающимся постиндустриальным сектором и в постсоциалистических странах с более и с менее развитым постиндустриальным сектором. Обосновывается центральный вывод о более высокой политической мобилизованности сильноресурсных классов во всех типах обществ и специфике мобилизации классов в данных типах европейских стран.

¹ Статья подготовлена по материалам доклада, сделанного совместно с А.Горбачиком на Всеукраинской научной конференции “Классовые интересы и классовые действия”, проведенной 28 марта 2012 года в Институте социологии НАН Украины (подробнее о конференции см. материал, подготовленный Е.Симончук, который также публикуется в этом номере журнала).

Выражаю глубокую признательность Андрею Петровичу Горбачику за расчеты эмпирических данных и ценные комментарии по содержанию работы.

Ключевые слова: *социальный класс; капиталистический, организационный, меритократический расколы; политическая мобилизация; электоральная, партийная, неорганизационная политическая активность*

Протестная мобилизация, которую в последние годы демонстрируют разные регионы мира, массовые бунты и активизация движений “социально неудовлетворенных” групп (протесты студентов, преподавателей университетов, учителей, работников транспортных компаний, предпринимателей, врачей, шахтеров и пр.) свидетельствуют о растущем социальном неравенстве, которое отнимает у людей необходимые средства к существованию и ведет к повышению напряженности в общественных отношениях в странах современного капитализма, в том числе и в украинском обществе. Данные общественные проявления возвращают социологов к вопросу о значении классовых неравенств и роли социальных классов в протестной мобилизации.

Несмотря на популярный в 1980–1990-х годах тезис о “смерти класса” и развитии бесклассовых обществ, с конца 1990-х — начала 2000-х годов в научной литературе все громче звучат основанные на эмпирических исследованиях выводы о том, что “классы не только выжили, но и воспроизводятся” [Kendall, 2006: p. 89–104]. В фундаментальной коллективной монографии американских, британских и немецких исследователей “Социальный класс: как он работает?”, опубликованной в 2008 году под редакцией профессоров университетов Нью-Йорка и Мэриленда Аннет Лорье и Делтона Конли [Lareau, Conley, 2008], эмпирически обосновываются выводы о разных “горизонтах возможностей”, связанных с принадлежностью и воспроизводством классов в современных обществах (Д.Конли), о высоком значении класса как интегрального компонента идентичности в современном обществе США (М.Хоут). Авторы монографии утверждают, что классы не только продолжают проникать в отношения соседства, “классную комнату” и на рабочее место; классы выступают решающим фактором в объяснении того, как долго люди живут, как они воспитывают детей, как голосуют на политических выборах и т.п. К подобным выводам приходят исследователи, работающие на эмпирическом материале различных современных наций. В частности, выводы об усилении классовых неравенств в получении образования и “образовательной карьере” в 2000-х годах сделаны нидерландскими [Andersen, Hansen1, 2011] и британскими [Goldthorpe, Jackson, 2008: p. 93–117] исследователями. Американские социологи М.Брюер и Дж.Стоункеш в работе 2007 года обосновывают вывод о связи классовых и культурных расколов в современном обществе США и их сильном влиянии на американскую политику [Brewer, Stonecash, s.a.].

Проблематика “возвращения классов” является предметом изучения как на межнациональном уровне, на уровне отдельных регионов (достигнувших фазы “информационного капитализма” либо находящихся в фазе “догоняющего развития”), так и в отдельных странах (в частности, постсоциалистических). Показательно, что после довольно длительного периода скептического отношения к познавательным возможностям концепта класса исследователи глобальных неравенств и общественных отношений в европейских странах начала 2000-х годов стали определять принадлежность

индивида к социальному классу как сильный фактор, объясняющий социальные неравенства и отношение к общественному порядку. Известный исследователь глобальных социальных неравенств, европейских обществ и современности Г.Терборн в статье “Глобальное неравенство: возвращение класса”, опубликованной в конце 2011 года [Therborn, 2011], обращает внимание на исторический поворот в современном общественном развитии: если в XX веке классовые неравенства хотя и оставались значимыми в отдельных нациях, но вместе с тем были затенены глобальными межнациональными разрывами, то с 1990-х годов классовые неравенства в различных странах стали существенно возрастать, и этот процесс идет параллельно с растущим “отгораживанием” наций. Автор делает заключение об усиливающемся значении класса в глобальных неравенствах и определении образа жизни индивидов на фоне понижения значения фактора национальной принадлежности.

Несмотря на высокий интерес к классовым неравенствам в глобальной, американской и европейской социологии, данный предмет продолжает находиться на периферии исследовательских интересов постсоветских социологов. Применение классового анализа к эмпирически основывающемуся изучению постсоветских обществ остается, за небольшим исключением, “прерогативой” западных исследователей¹. На этом фоне следует выделить цикл работ Е.Симончук [Симончук, 2010; 2011], в которых автор систематически анализирует проявления социальных классов, противоречия их сознания и действий в современном украинском обществе.

Следовало ожидать, что становление институтов частной собственности, рынка, воспроизводство политико-экономических неравенств, существенное усиление значимости информационных ресурсов и технологий в достижительских возможностях индивидов, повышение открытости и мобильности постсоциалистических обществ — все это стимулировало процессы классовообразования. Еще в первой половине 2000-х годов на основе эмпирического изучения процессов классовообразования в Украине я делала выводы о проявляющихся различиях между классовоподобными группами элит, бизнесменов-предпринимателей, интеллигенции, крестьян-фермеров и рабочих — не только по признакам трудовых отношений, социально-профессиональной принадлежности и ценностно-групповой идентификации, но и по комплексным показателям доступных ресурсов, жизненных шансов, социального сознания, а также политических ориентаций [Куценко, 2002; 2003, с. 194–220; 2006]. В.Ворона обосновывает наличие глубоких противоречий в интересах и социальных возможностях между классом производителей материальных благ, политическим и непроизводительным (посредническим и “креативным” — в интерпретациях Р.Флориды и С.Сассен [Florida, 2002; Сассен, 2012]), а также “гуманитарным” классами в украинском обществе постсоциалистического капитализма [Ворона, 2010: с. 3–21]. Можно предположить, что за двадцать лет постсоциалистического развития в обществе сформировались структурные и поведенческие отличия между социальными классами. *Насколько принадлежность к социально-*

¹ В этом отношении особо следует отметить опубликованную в 2011 году книгу Дэвида Лейна: “Элиты и классы в трансформации государственного социализма” [Lane, 2011].

классовым позициям и объективно обусловленные такой принадлежностью классовые интересы в украинском обществе (в сравнении с европейскими) способны объяснить вариации политической мобилизации граждан?

Концептуальные уточнения

Поскольку ключевое понятие “социальный класс” слишком долго и широко используется в социальных науках, обрстая с течением времени множественными толкованиями и анахронизмами, постольку обращение к данному концептуальному инструменту требует его содержательного уточнения. В предыдущих работах я неоднократно анализировала состояние дискуссии по поводу интерпретации понятия социального класса, методологии классового анализа, обосновывая концептуальные и гносеологические особенности применения данного концепта в современных исследованиях [Куценко 2000; 2002; 2003]. Отталкиваясь от сделанного ранее и ориентируясь на неинституциональную (представленную прежде всего в работах А.Сена и Г.Эспин-Андерсена [Sen, 1992; Espin-Andersen, 1993]), неомарксистскую и синтетическую аналитическую логику объяснения процесса формирования классовых неравенств (см. работы Дж.Роемера, Э.О.Райта, А.Беншопа, А.Соренсена), я буду использовать *понятие социального класса как описывающее системные неравенства в структурах социальных возможностей, которые зависят от культуры и институциональной системы общества и укоренены в отношениях господства и влияния по поводу производства, распределения и присвоения общественных благ*. Общественными благами станут все те активы (ценности), которые имеются в распоряжении общества и необходимы для удовлетворения спектра потребностей индивидов, групп и общества как такового, или, согласно Г.Терборну, — обеспечения человеческого существования индивидов как биологических организмов (ресурсы жизни, смерти, здоровья), как личностей (ресурсы личностной свободы, признания, уважения) и как социальных акторов (материальные и символические ресурсы) [Therborn, 2006]. Поддержка способностей людей и обеспечение равного доступа к общественным благам, возможности их частного или коллективного потребления на основе осознания ценности таких благ и соответствующих потребностей — все это определяет уровень благосостояния индивидов/групп, перспективы расширения их свободы и является важным компонентом качества жизни и человеческого развития [Sen, Nussbaum, 1993; Доклад о человеческом развитии, 2011]. Согласно концепции “человеческого развития” ПРООН, разработанной на основе идей А.Сена, такими благами являются достойные занятость и доходы, качественное образование и социальная защита, информационные ресурсы и технологии, ресурсы рекреации и поддержания здоровья, социальный престиж — активы, способствующие позитивному восприятию жизни (“удовлетворенность”, “счастье”) и обеспечивающие возможность для индивида управлять собственными условиями жизни и сознательно их изменять.

В интерпретации понятия социального класса я подчеркиваю значение институциональных возможностей конкретного общества, которые определяют классовые неравенства, утверждая и модифицируя отношения присвоения, занятости и потребления, а также легитимируя качественно новые оси социального разделения и закрытости (открытости) социальных пози-

ций. В отличие от классической марксистской теории класса, неомарксистская логика обращает внимание на то, что в формировании классовых неравенств принципиальное значение имеют как отношения господства и влияния, складывающиеся в системе производства общественных благ, так и отношения, складывающиеся на рынках обмена произведенными благами и доступными ресурсами. *Характер владения производственными и непроизводственными активами*, распределения и организации труда, а также получения прибыли в коллективной производственной деятельности формируют неравные отношения между включенными в коллективную деятельность индивидами, определенный тип отношений собственности и контроля над трудом и произведенным продуктом. *Характер включенности в систему обмена и потребления* произведенных благ и иных имеющихся в обществе ресурсов институционально определяется рыночными и/или административными механизмами контроля, а также социогрупповыми механизмами реципрокитных (*reciprocity* — англ.) отношений, основанных на взаимовыгодных обменах в социальных сетях доверия. Способ включенности индивидов/групп в данные фундаментальные общественные отношения формирует объективно разные позиции в пространстве социальных возможностей.

Такая интерпретация понятия социального класса делает данный концептуальный инструмент чувствительным к глубоким противоречиям социальных интересов, произрастающих из существенно разных возможностей индивидов/групп в обществе и способных приобретать политические формы выражения. В структуре классовых неравенств присутствует причинная связь между альтернативными позициями социальных классов, когда улучшение одних позиций происходит за счет относительного ухудшения других. Такая причинная связь отражает скрытый антагонизм классовых интересов, в марксистской социологии описываемый понятием *эксплуатации*; а осознание такой причинной связи (отраженное *классовым сознанием*) становится фактором обнаружения и проявления *классового конфликта*, провоцирующего *политическую мобилизацию* представителей социальных классов на борьбу за собственные интересы.

Что стоит за массовыми политическими выступлениями студентов, учителей, предпринимателей, транспортников, шахтеров и многих других категорий граждан в современных европейских обществах, включая Украину? Я предполагаю, что политическая мобилизация социальных групп происходит прежде всего в отношении *структурных расколов в социальных возможностях*, прямо связанных с отношениями господства и присвоения общественных благ (ресурсов благосостояния и человеческого развития). С точки зрения методологии изучения связи между социальным классом и политической мобилизацией это означает, что *изучение должно концентрироваться на полярных классовых позициях в данных структурных расколах* при аналитическом игнорировании промежуточных позиций и состояний в социальном пространстве. Доминирующие в современных европейских обществах системы производства, рыночного и административного обмена общественными благами позволяют обратить исследовательское внимание на следующие ***три линии фундаментальных структурных расколов социального пространства***, определяющие оппозиционные классовые позиции, разные социальные возможности полярных групп и антагонизм классовых интересов в современных обществах (см. рис.).

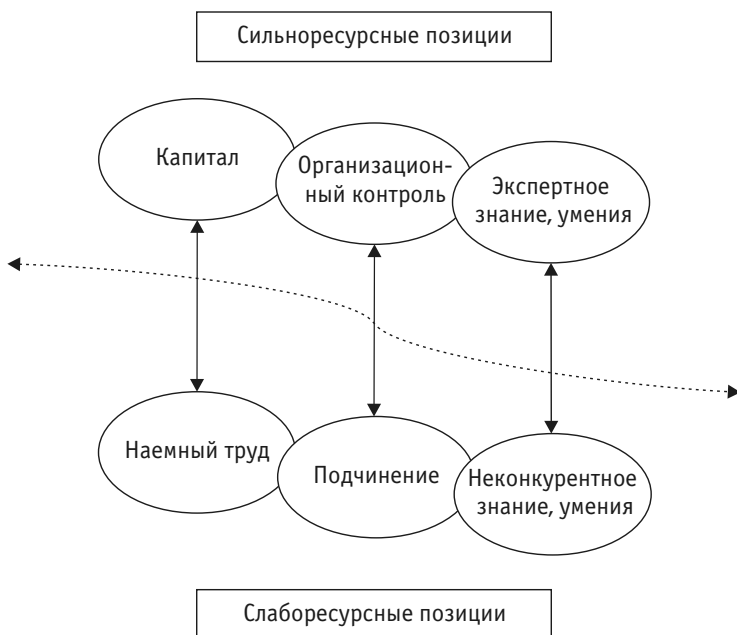

Рис. Линии раскола социального пространства по классовым позициям в современных обществах

1. **Исторический капиталистический раскол**, характерный для всех вариантов капитализма, — раскол между *“капиталом”* и *“наемным трудом”*, который с разной формой остроты проявляется во всех обществах с частной (корпоративной) собственностью на средства производства и связан с ресурсами собственности (в формах владения, пользования и распоряжения) на средства производства и произведенный продукт. Для постсоциалистических стран формирование данного раскола стало происходить с развитием частной собственности и рыночных отношений. Особенностью проявления данного раскола является также то, что уже около века (с 1920–1930-х годов) позиций “чистого капитала” практически не существует, с укрупнением предприятий, бизнеса и развитием корпоративных форм собственности происходило сильное взаимное проникновение капитала (собственности) и менеджмента, когда собственники все чаще стали выполнять менеджерские функции, а менеджеры — уполномоченно распоряжаться капиталом-собственностью. Поэтому данная линия социального раскола с неизбежностью должна включать управленческое измерение как проявление функций собственности.

2. **Организационный раскол**, характерный для всех вариантов современного высокоорганизованного общества-государства и организационно-управленческих систем раскол между позициями *“организационного контроля”* и *“исполнения”*, связанный с ресурсами организационного контроля над процессами производства, распределения, присвоения и потребления благ, включая человеческие ресурсы и ресурсы благосостояния. По объективным позициям доступа к ресурсам класс “исполнителей” (или “управляемых”) эмпирически очень близок к классу традиционных наемных рабочих. Данный раскол доминировал в системе государственного социализма

(прежде всего в его этакратическом варианте); при постсоциализме произошло дальнейшее сращивание экономики и политики, экономического капитала и капитала политической и административной власти, что результировалось в формировании рентоориентированной системы общественно-экономических отношений¹. На сегодняшний день остаются открытыми вопросы о том, насколько велики различия между классовыми позициями капиталистов и управленцев, какой из расколов — “исторический капиталистический” или “организационный” — лучше объясняет различия политической мобилизации разных классовых групп.

3. Меритократический раскол — характерный для постиндустриального типа обществ (“обществ знания”) раскол между позициями **“экспертного”** и **“неконкурентного” знания**, связанный с ресурсами владения, производства, распространения и потребления конкурентных знаний, созидательных умений, с доступом к информации и современным технологиям по производству/использованию знаний.

Сформулированная теоретическая интерпретация понятия социального класса с необходимостью требует уточнения основного исследовательского вопроса. *Существуют ли эмпирические различия в уровне политической мобилизации оппозиционных социальных классов, выделяемых по основным линиям расколов, в странах с разными вариациями современного европейского капитализма?*

Исследовательская модель и логика анализа

В поиске ответов на уточненные исследовательские вопросы я обратилась к эмпирическим данным Европейского социального исследования 4-й волны (ESS 2007–2008) и возможностям межстранового сравнительного анализа связи между принадлежностью к классовым позициям и политической мобилизацией. Для обнаружения теоретически ожидаемых классовых расколов и их проявления в политической мобилизации классов с учетом типологических различий европейских обществ с разными вариациями современного капитализма я *не включила* в сравнительный анализ страны с сильной, исторически сложившейся социал-демократической политикой выравнивания неравенств (прежде всего страны Европейского “Севера”); в массиве данных я выделила *типы стран* в зависимости от *исторических особенностей рыночных систем* (исторически сложившихся и длительно эволюционирующих *vs* только формирующихся на обломках системы государственного социализма), *уровня экономического развития* (по индексу ВВП на душу населения), *степени социально-экономической поляризации* (по индексу Джини) и *состояния экономики знания* (по индексу знания) — индексы по странам представлены в таблице 1. Следует предположить, что *чем выше неравенства в доступе к ресурсам, определяющим возможные социальные расколы, тем объективно выше конфликт классовых интересов и выше вероятность более высокой политической мобилизации: либо сильноресурсных классов (при угрозе их позиций доминирования, восходящей мобильности), либо альтернативных слабонересурсных классов (при осознании классом собственных интересов и значимости политических способов их отстаивания).*

¹ О рентоориентированном характере постсоциалистической общественно-экономической системы см.: [Дубровский, Ширмер, 2010].

Таблица 1

Теоретически ожидаемое соответствие между типами стран и различиями в политической мобилизации классов по трем типам социальных расколов (основные гипотезы)

Типы европейских стран	Значимость различий политической мобилизации классов по трем типам расколов классовых позиций		
	“капиталистический” (наемный труд/капитал)	“организационный” (организационный контроль/исполнение)	“меритократический” (экспертное/неконкурентное знание)
1) исторический капитализм + постиндустриализм (А)	+	+	+
2) исторический капитализм + менее успешная экономика (Б)	+	+	-/+
3) более успешный постсоциалистический капитализм (В)	+	+/-	-/+
4) менее успешный постсоциалистический капитализм (Г)	+/-	+	-/+

Таким образом, были определены следующие 4 типа стран и **основные гипотезы** о проявлении политической мобилизованности классов по линиям структурных расколов в зависимости от типов стран:

- 1) страны **А** — “исторический” капитализм с более успешной экономикой и выраженными показателями постиндустриального развития; предполагается, что в данном типе стран различия в политической мобилизации классов будут проявляться по всем линиям раскола в силу сформировавшихся классовых неравенств всех трех типов;
- 2) страны **Б** — “исторический” капитализм с менее успешной экономикой, включая постиндустриальный сегмент; более значимые различия в политической мобилизации ожидаются в отношении альтернативных классов по исторически-капиталистическому и организационному типам расколов; в то же время различия между классами меритократического типов могут быть менее значимыми;
- 3) страны **В** — постсоциалистический капитализм с более успешными показателями рыночного и постиндустриального развития по сравнению с четвертой группой стран; ожидается, что наиболее значимые различия в уровнях политической мобилизации классов в данной постсоциалистической группе стран будут по линии исторически-капиталистического раскола как результат быстрого развития капитализма на руинах системы государственного социализма; также значимыми должны быть различия между классами “организационного” и “меритократического” типов;
- 4) страны **Г** — постсоциалистический капитализм с менее успешными показателями рыночного и постиндустриального развития по сравнению с третьей группой стран; в силу продолжающегося процесса становления рыночной экономики и первичного развития капиталистических отношений в этих странах процесс классового образования также не является здесь завершенным; исходя из этого, следует пред-

положить, что проявления мобилизации классов в целом будут менее выраженными по сравнению со всеми другими типами стран; также можно ожидать более значимых различий в уровнях политической мобилизации классов по линии организационного типа раскола и менее значимых — по линии капиталистического раскола (в силу недостаточной сформированности соответствующих ресурсных позиций); в то же время различия между классами по меритократической линии будут наименее выраженными (табл. 1).

В каждой типологической группе отобраны по три страны, эмпирические данные которых присутствуют в массиве ESS-4, а именно:

- 1) *Великобритания* (GB), *Франция* (FR) и *Нидерланды* (NL); вариант включения в анализ Германии как одной из стран-лидеров по экономическому развитию и геополитическому влиянию в ЕС был отброшен из-за несоответствия данного кейса первому критерию о типе рыночных систем (унификация Германии на рубеже 1980–1990-х годов с “поглощением” части общества, в недавнем прошлом относящейся к системе государственного социализма; социальные последствия данного “поглощения” до сих пор остаются неоднозначными и провоцируют специфические формы конфликта социальных интересов в данной стране);
- 2) *Португалия* (PT) и *Греция* (GR); данную композицию стран могла бы дополнить Италия, близкая по показателям экономического и постиндустриального развития, однако эмпирические данные по этой стране отсутствуют в массиве ESS-4;
- 3) *Польша* (PL), *Чехия* (Cz), *Венгрия* (HU); также на основе выделенных выше критериев в сравнительный анализ можно было включить Словению, Хорватию и Словакию; вместе с тем я полагаю, что в межнациональных сравнениях размер страны также имеет значение, и сравнение “маленьких” стран (особенно моносоставных, в определении А.Лейпхарта) с “большими” может давать менее корректные результаты;
- 4) *Россия* (RU), *Болгария* (BG) и *Украина* (UA); критериям данной группы также соответствуют Беларусь и Молдова, однако эти страны не принимали участия в данной волне ESS и поэтому не могли быть включены в сравнительный анализ; для получения сравнительных результатов по *Украине* данную страну выделяем в отдельную группу, оставив в группе 4-го типа Россию и Болгарию.

Определение оппозиционных классовых позиций на основе трех линий социальных расколов стало следующей сложной задачей, методология решения которой прямо связана с предложенной концептуализацией понятия социального класса и одновременно ограничена методологическими ресурсами ESS-4, в инструментарий которого включены основные разработки методологий классового анализа Е.О.Райта, Дж.Голдторпа и Г.Эспин-Андерсена¹. Прежде всего очевидна невозможность удовлетвориться только одной из версий классового анализа:

¹ Описание версий методологий см.: [Leiflufsrud, Bison, 2010]; см. также: [Симончук, 2007].

- так, позиции капитала (собственников)/наемного труда лучше учитываются подходом Е.О.Райта в версии WR_P по сравнению с другими подходами к классовому анализу;
- позиции в организационной (этакратической) иерархии (крупные управленцы-менеджеры, особенно имеющие отношение к государственной власти разного уровня vs все остальные, за исключением крупных собственников, связанных с властью) слабо учтены в подходах и Е.О.Райта, и Дж.Голдторпа, однако несколько лучше — в 11-классовой версии подхода Е.О.Райта, делающей акцент на доступе к ресурсам власти и контроле (WR_P); изучение данной классовой позиции методологически больше касается исследования властвующих элит;
- меритократические позиции экспертного vs неконкурентного знания (группы профессионалов, специалистов, менеджеров vs группы обслуживающих работников с неконкурентными знаниями-умениями) лучше учитываются подходом Г.Эспин-Андерсена (“постиндустриальная классовая схема”), в то же время в какой-то мере представлены в подходах Дж.Голдторпа и особенно — в базовой модели Е.О.Райта (WR), акцентирующей внимание на меритократических факторах классовобразования.

Поскольку предварительный анализ применимости разных методологических подходов к классовому анализу, включенных в инструментарий ESS, показал теоретическую близость к подходу Э.О.Райта, а также теоретическую значимость конкретных вариаций данного подхода в определении альтернативных позиций по трем линиям классовых расколов, то дальнейшие эмпирические измерения будут основываться на подходе Э.О.Райта в обозначенных двух вариациях. Кроме того, данный выбор обеспечивает максимальную целостность методологических оснований эмпирического анализа. Напомню, что методология классового анализа Э.О.Райта в выделении классовых позиций ориентирована на значимость трех базовых ресурсов: собственность на средства производства, организационное влияние и контроль, конкурентоспособные знания и умения [Wright, 1997]. В комбинации доступа к данным ресурсам аналитически выделены согласно выбранным двум версиям модели (“базовая модель эксплуатации” — WR и “модель власти и контроля” — WR_P), классовые позиции, представленные в таблице 2.

Опираясь на данные модели классовых схем Э.О.Райта, соответствующие *категории классовых позиций операционализируем следующим образом:*

1. “Исторический-капиталистический” раскол **“капитал — наемный труд”** будем измерять посредством модели WR_P классового анализа, а класс “капиталистов” будем дополнять позициями квалифицированной менеджерской группы, функционально связанной с распоряжением производительной собственностью; таким образом, аналитически будем разделять следующие альтернативные классовые позиции:

- *“капиталисты”* — капиталисты, мелкие работодатели, квалифицированные менеджеры (позиции 1, 2, 4) vs
- *“традиционные рабочие”* — квалифицированные и малоквалифицированные рабочие (позиции 7, 7.5).

Особую классовую позицию занимают мелкие предприниматели — самозанятые с небольшим объемом наемного труда (по модели WR-P это объединение позиций 2 и 3). Данную позицию в силу ее “промежуточного” положения в отношении доступа к основным ресурсам господства и влияния

включаем в анализ, поскольку она представляет интерес в контексте политической мобилизации, особенно в условиях постсоциализма.

Таблица 2

Классовые позиции согласно моделям классовых схем Э.О.Райта

11-классовая модель власти и контроля WR_P	12-классовая базовая модель эксплуатации WR
(1) капиталисты	(1) капиталисты-работодатели (> 10 наемных работников)
(2) мелкие работодатели	(2) мелкие работодатели (1–9 наемных работников)
(3) самозанятые	(3) самозанятые без наемных работников
(4) менеджеры квалифицированные	(4) специалисты-менеджеры
(4.5) менеджеры малоквалифицированные	(5) специалисты-супервайзеры
(5) супервайзеры квалифицированные	(6) специалисты без функций управления-контроля
(5.5) супервайзеры малоквалифицированные	(7) квалифицированные менеджеры
(6) служащие квалифицированные	(8) квалифицированные супервайзеры
(6.5) служащие малоквалифицированные	(9) квалифицированные рабочие
(7) рабочие квалифицированные	(10) малоквалифицированные менеджеры
(7.5) рабочие малоквалифицированные	(11) малоквалифицированные супервайзеры
	(12) малоквалифицированные рабочие

2. Для измерения “**организационного**” раскола “бюрократический контроль — исполнение” также применяем модель **WR_P** классового анализа, согласно которой аналитически разделяем следующие классовые позиции:

- “*управленцы*”, то есть квалифицированные и малоквалифицированные менеджеры и супервайзеры (позиции 4, 4.5, 5, 5.5) *vs*
- “*исполнители*”, то есть квалифицированные и малоквалифицированные работники, не имеющие функций контроля (позиции 6.5, 7, 7.5).

3. **Меритократический раскол** “экспертное знание — неконкурентное знание” измеряем посредством модели **WR**, согласно которой разделяем следующие классовые позиции:

- “*эксперты*”, то есть в том числе менеджеры, супервайзеры (позиции 4–6) *vs*
- “*обслуживающие*”, то есть низкоквалифицированные менеджеры и супервайзеры, рабочие (позиции 10–12).

Предварительный анализ возможной связи между классовыми позициями и политической мобилизацией позволил уточнить сформулированные выше основные **гипотезы** в отношении проявления политической мобилизованности классов по линиям социальных расколов:

- 1.1. “**Исторический капиталистический**” раскол: следует предположить, что мы обнаружим заметное различие в политико-идеологических ориентациях представителей соответствующих двух полярных классовых позиций: “правое” смещение ориентаций у класса капиталистов и “левое” — у рабочих;
- 1.2. Политическая конвенциональная активность класса капиталистов будет выше по сравнению с рабочими — как проявление стремления “защищать” свои интересы посредством контролируемых ими форм демократии и партийного влияния, как проявление большей вовлеченности в систему и лучшей организованности. Такие проявления будут зна-

чимыми как в развитых капиталистических странах, так и в постсоциалистических.

- 1.3. Протестная активность должна быть выше у наемных работников как результат осознания неравенства в доступе к ресурсам и результатам производительного труда и неэквивалентности обмена ресурсами.
- 2.1. “Организационный” раскол: допускается, что между представителями соответствующих полярных классовых позиций также должны быть заметные различия в политико-идеологических ориентациях: политические ориентации класса управляющих будут смещены “вправо” по шкале “лево/правых” ориентаций.
- 2.2. Будут заметны различия в политической конвенциональной активности: у класса управленцев уровень активности будет выше по сравнению с классом управляемых. Такое повышенное проявление активности у управленцев является естественным (функциональным). Вместе с тем в постсоциалистических странах (в недавнем прошлом принадлежавших системе государственного социализма с доминирующей партийно-государственной системой стратификации) мобилизованность управленцев будет выше по сравнению со странами “исторического капитализма”, поскольку для сохранения своих ресурсов влияния в постсоциалистическом рыночном обществе и получения ренты им недостаточно использовать легально-функциональные механизмы контроля над ресурсами; формы политической мобилизации позволяют более эффективно защищать и “огораживать” классовые позиции.
- 2.3. В силу широко распространенного в европейских обществах разочарования в политических институтах и формах правления класс управляемых будет проявлять большую протестную мобилизованность, направленную против управляющих классов.
- 3.1. “Меритократический” раскол: представители класса экспертов как более образованного, “восходящего” класса (термин Д.Лейна) в развивающейся постиндустриальной общественно-экономической системе в большей мере по сравнению с классом обслуживающих будут проявлять левоориентированные взгляды.
- 3.2. Политическая активность будет выше у класса экспертов в силу более высокой рефлексивности его представителей и “восходящего” характера данного класса в условиях постиндустриального развития обществ.
- 3.3. В условиях постсоциализма у представителей обслуживающих и экспертных классов протестная активность может быть подобной в силу подобного положения в доступе к ресурсам, существенно ограниченном государством и капиталистами-собственниками.

К сожалению, из-за ограниченности эмпирической базы данных нельзя включить в анализ индикаторы протестных форм политической мобилизации, которые должны быть особенно чувствительны в отношении активности (установок на активность) слаборесурсных классов. Соответственно, третьи компоненты уточняющих гипотез не могут быть проверены в данном исследовании. Для эмпирической проверки основных гипотез и с учетом специфики эмпирической базы ESS-4 будут использованы следующие индикаторы конвенциональных форм **политической мобилизации как проявления личностного побуждения к участию в активных формах поли-**

тической жизни, не направленных на разрушение господствующей системы:

1. Электоральная политическая активность — участие в последних национальных выборах — переменная **V11** массива ESS-4 (альтернативы “да/нет”).
2. Неорганизационные формы политической активности — обращение к политикам, в органы власти, агитация, подпись петиций, участие в митингах, демонстрациях, бойкот продуктов — индекс построен как среднее по типам стран от суммы ответов о личном участии в конкретных формах активности (переменные **V13, V16, V17, V18, V19**), индекс принимает минимальное значение 0 и максимальное значение 5.
3. Организационная политическая активность — членство в политической партии (переменная **V21**, альтернативы “участвую/не участвую”).
4. Политико-идеологические ориентации — самопозиционирование по шкале 0 “левые” — 10 “правые” (переменная **V23**).

На основе переменных электоральной, неорганизационной и партийной активности построен *индекс политической мобилизованности класса*¹, измеряющий различие в уровне проявления трех видов политической активности между оппозиционными по конкретной линии раскола классами. Индекс рассчитывается по формуле:

$$Ind = \frac{|\Delta \mathcal{E}A + 20 \cdot \Delta НПA + \Delta ПА|}{3},$$

где $\Delta \mathcal{E}A = \mathcal{E}Ax - \mathcal{E}Ay$ (1) — разница процентов голосовавших в классе X (от 0 до 100) и альтернативном классе Y (от 0 до 100); изменяется в интервале от -100 до $+100$;

$\Delta НПA = НПAx - НПAy$ (2) — разница средних количеств неорганизационных форм политической активности в классе X (от 0 до 5) и в альтернативном классе Y (от 0 до 5); изменяется в интервале от -5 до $+5$; чтобы это слагаемое изменялось в интервале от -100 до $+100$, умножаем его на 20.

$\Delta ПА = ПАx - ПАy$ (3) — разница двух процентов (процент членов партии в классе); изменяется в интервале от -100 до $+100$.

Индекс варьирует в интервале от 0 до 100, при этом 0 означает, что конкретная пара альтернативных (по линии раскола) классов имеет одинаковый уровень политической мобилизованности; 100 означает, что один из пары классов максимально мобилизован (в рамках предложенной в тексте модели мобилизованности), а альтернативный класс абсолютно не мобилизован.

Анализ эмпирических данных

Количественная наполненность классовых позиций

Все выделенные классовые позиции по линиям структурных расколов по всем типам стран являются достаточно количественно наполненными, что позволяет включать их в дальнейшее изучение (см. Приложение, табл. II). Анализ линии “капиталистического” раскола по типам стран показывает,

¹ Благодаря А.П.Горбачика за помощь в расчете индекса.

что наполненность позиции рабочего класса уменьшается по мере усиления постиндустриальных характеристик обществ (от стран типа Г к типу А); в постсоциалистических странах, включая Украину, данная классовая позиция численно продолжает доминировать. Вместе с тем наполненность альтернативной классовой позиции “капиталистов” не проявляет такой закономерности: численно позиция “капиталистов” является более наполненной в странах исторического капитализма по сравнению с постсоциалистическими странами. На этом фоне выделяется Украина, в которой численность “капиталистов” приближается к аналогичному показателю в развитых капиталистических странах (типы А и Б). Слабо наполненной оказывается позиция мелких предпринимателей в постсоциалистических Украине, России и Болгарии по сравнению с центральноевропейскими постсоциалистическими (тип В) и развитыми капиталистическими (типы А и Б) странами.

Анализ линии организационного раскола обнаруживает, что наполненность позиции управленцев подобна во всех типах стран, за исключением более успешных капиталистических стран типа А, где данная позиция по наполненности существенно преобладает: 28% против 12–13% в странах Б, В и Г. На фоне всех менее успешных капиталистических стран, включая постсоциалистические, Украина выделяется большей наполненностью позиции управленцев (около 16%) и, так же как в России и Болгарии, слишком высокой наполненностью позиции управляемых (74–77%). В то же время в странах развитого капитализма (А и Б) численность позиций управляемых составляет 54–60%, а соотношение наполненности альтернативных позиций позволяет сделать вывод о том, что в более успешных капиталистических странах (тип А) доступ к ресурсам влияния и контроля почти в 2,5 раза более широко представлен по сравнению с другими типами выделенных европейских стран.

Анализ численной наполненности позиций меритократического раскола показывает подобие в соотношении альтернативных позиций между типами стран; при этом в более продвинутых в постиндустриальном отношении странах типа А доступ к ресурсам экспертного знания имеют больше индивидов (11%) по сравнению со странами типа Б и В. Любопытно в этом отношении выглядят Украина и другие постсоциалистические страны: в Украине наполненность позиций экспертов преобладает (15,4%) по сравнению с усредненными данными в двух типах постсоциалистических стран (тип Г — 13%; тип В — 9%), при этом соотношение наполненности позиции экспертов в Украине, Болгарии и России не коррелирует со значениями индексов постиндустриального развития этих стран (КИ, КЕИ — см. табл. I в Приложении), позиции экспертов по численности выглядят “раздутыми” с точки зрения реального вклада в развитие экономики и общества знания.

Различаются ли данные альтернативные позиции по политической мобилизованности? Проявления политической мобилизованности могут быть связаны как со стремлением защитить, усилить имеющиеся позиции в доступе к значимым в обществе ресурсам, так и со стремлением изменить правила распределения ресурсов и доступа к ним.

Электоральная активность классов

Данные таблиц III и VII свидетельствуют о значимых различиях в электоральной активности между альтернативными классами по всем типам

стран. Однако значимость различий (сравнивались показатели (в процентах) участия в голосовании на последних национальных выборах по классам и типам стран) заметно варьирует. В странах развитого капитализма с сильным постиндустриальным сектором (тип А) различия в электоральной активности оппозиционных классов очень высокие, особенно в случае капиталистического и меритократического расколов (различие в 16 единиц), а также организационного раскола (12 единиц). При этом по всем линиям расколов сильноресурсные классы проявляют заметно более высокую активность (есть что защищать?). Также высоки различия в электоральной активности и для всех типов классов в центральнойвропейских постсоциалистических странах (тип В); причем наиболее значимы различия между позициями экспертов и обслуживающих (21%); различия между позициями организационного и капиталистического расколов составляют 13 и 15 единиц соответственно.

Существенно ниже показатели классовых различий в электоральной активности в менее успешных странах исторического капитализма (тип Б), за исключением классов, выделяемых по линии исторического капиталистического раскола (капиталисты–рабочие). Различие в данной активности между капиталистами и рабочими составляет 14 единиц с более высокой активностью класса капиталистов. В то же время все оппозиционные классы демонстрируют высокий уровень электоральной активности (75–88%). Постсоциалистические страны типа Г проявляют наименьшие различия в электоральной активности всех оппозиционных классов (5–6 единиц). При этом можно видеть следующую закономерность: по сравнению с показателями в странах всех иных типов в России и Болгарии более низкий уровень электоральной активности у всех сильноресурсных классов и более высокий (за исключением сравнения с Португалией и Грецией — тип Б) — у слабых классов.

На этом фоне выделяется Украина, где классовые различия в электоральной активности по всем трем линиям расколов высоки — 11–14 единиц в пользу сильноресурсных классов. Наиболее значимы различия активности между классами капиталистов и рабочих, наименее значимы — между экспертами и обслуживающими классами. Вместе с тем в Украине по сравнению со всеми четырьмя типами стран все классы (кроме мелких предпринимателей) демонстрируют очень высокий уровень электоральной активности; у сильноресурсных классов капиталистов, управляющих и экспертов активность доходит до 91–95% от численности соответствующих групп.

Особенно высокий уровень электоральной активности сильноресурсных классов свидетельствует об ориентации правящих и “восходящих” классов на электоральные механизмы сохранения и укрепления доступа к значимым для них ресурсам господства и влияния как важнейшего в современных обществах способа легитимации господства.

Неорганизационные формы политической активности

Уровень политической активности в неорганизационных формах (по списку форм, выделенных в инструментарии ESS) по всем типам стран и классам является очень низким; в анализе мы сравниваем значения расчетного индекса, который изменяется от 0 до 5 (максимальная активность) (табл. IV и VII). Различия по данным формам политической активности существуют между всеми классами во всех типах стран. Специфика проявляе-

ния данных различий в том, что наиболее заметны они между экспертами и обслуживающими классами в более успешных капиталистических и постсоциалистических странах, продвинувшихся в постиндустриальном развитии (типы А и В). Практически отсутствуют различия (значения на уровне сотых) в постсоциалистических странах типа Г, включая Украину. В Украине применение данных форм политической активности находится на уровне 0,24–0,34 балла из 5 максимальных. Наиболее востребованы такие формы активности в странах более успешного капитализма (тип А), однако и там показатели их применения не превышают 1,22 балла. В проявлении данного вида активности видна та же закономерность, которая была обнаружена в анализе предыдущего признака: сильноресурсные классы оказываются везде более активными. По данному показателю лишь рабочие в Украине проявляют незначительно более высокую активность по сравнению с капиталистами.

Партийная активность классов

Уровень партийной мобилизованности (организованности) классов является несколько более высоким по сравнению с политической мобилизованностью в неорганизационных формах (табл. V и VII). И вновь, как и в распределении предыдущих признаков, мы видим более высокую активность сильноресурсных классов по всем типам стран и всем линиям расколов. В более успешных капиталистических странах (тип А) уровень партийной вовлеченности всех сильноресурсных классов примерно в 2,5 раза выше по сравнению с альтернативными слабонересурсными классами; вместе с тем партийная вовлеченность охватывает не более 4,5% представителей классов капиталистов, экспертов и управленцев. Партийная вовлеченность рабочих, обслуживающих, управляемых классов не превышает 1,8–2,0% от их численности. Аналогичную картину, но с несколько меньшими показателями партийной вовлеченности получаем при анализе данных по центрально-европейским постсоциалистическим странам типа В.

Неожиданным можно считать то, что уровни и распределения значений политической вовлеченности по классам оказались подобными в странах исторического капитализма типа Б и постсоциалистических странах типа Г: в этих странах от 8% до 10% представителей господствующих классов капиталистов и управленцев вовлечены в партии, тогда как в альтернативных классах рабочих и управляемых всего от 3,5% до 4,4% представителей охвачены партийной активностью. Наряду с этим, в постсоциалистических странах, по сравнению с капиталистическими странами типа Б, более значимыми являются различия в партийной активности между экспертами и обслуживающим классом; в то же время мелкие предприниматели существенно меньше вовлечены в партии по сравнению с данной классоподобной группой в странах типа Б.

В целом наибольшие различия в уровне партийной активности проявляют классы управленцев и управляемых в менее успешных капиталистических (тип Б) и постсоциалистических (тип Г) странах, капиталисты и рабочие в постсоциалистических странах типа Г, а также эксперты и класс обслуживающих в постсоциалистических странах типа В.

По показателям партийной активности Украина заметно отличается от стран всех типов. Уровень партийной вовлеченности здесь очень низкий, что полностью соответствует выводам, сделанным ранее Е.Симончук [Симончук, 2011: с. 91]. Наивысшие показатели вовлеченности — у управлен-

цев (4,5%) и экспертов (4,6%), во всех остальных классах, включая капиталистов и рабочих, охват партийной активностью не выше 2,7–3,1%.

Политико-идеологическое позиционирование

Пространство политико-идеологических ориентаций классов, измеренное по шкале “левые–правые ориентации”, во всех европейских странах, включенных в анализ, концентрируется вокруг “лево-правого” центра. Лишь в более успешных капиталистических странах типа А все классы, кроме классов собственников (капиталистов и мелких предпринимателей), позиционируют себя немного “левее” условного центра шкалы. В капиталистических странах типа Б более выражено разделение между классами в левых и правых ориентациях: доминирующие классы капиталистов и управленцев самопозиционируют себя как правоцентристы, в то время как оппозиционные классы рабочих и управляемых — как левоцентристы; в данном типе стран классы по меритократическому расколу являются левоцентристами; причем у экспертов (в обоих типах капиталистических стран) более левоориентированные взгляды по сравнению с обслуживающим классом — что соответствует теоретическим ожиданиям.

Более “правыми” в анализируемом ряду стран являются постсоциалистические общества: в обоих типах обществ (В и Г) такой центр несколько более смещен вправо по сравнению с развитыми капиталистическими странами, и все классы самопозиционируют себя несколько правее центра шкалы. Согласно анализируемому в этой статье данным, наиболее “правыми” в политико-идеологическом смысле являются постсоциалистические центрально-европейские страны с максимальными значениями “правоцентристских” ориентаций на уровне 5,98 баллов у представителей класса капиталистов и 5,81 — в классе экспертов.

Распределение политико-идеологических ориентаций между классами в Украине подобно распределению данного признака по постсоциалистическим странам типа Г: некоторое смещение от “центра” “вправо” по всем классам; лишь класс экспертов демонстрирует небольшой “левый” акцент в политических ориентациях.

Основные результаты и дискуссионные вопросы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о значимых различиях в проявлении политической мобилизованности (по изученным нами признакам, которые не включают признаки неконвенциональной, протестной активности) со стороны альтернативных социальных классов, аналитически выделенных по трем линиям расколов в доступе к значимым ресурсам господства и влияния: собственности на средства производства, управления и контроля, конкурентного знания и умений. Значимость различий в эмпирических проявлениях проанализированных признаков подтверждает реальность социальных классов как субъектов политических действий и факторов социальной динамики современных обществ.

Уровни политической конвенциональной мобилизованности в европейских странах **не** являются высокими (максимум 9 баллов из 100 возможных), а **наиболее мобилизованными оказываются сильноресурсные классы по сравнению со слаборесурсными по всем линиям расколов.**

Сильноресурсные социальные классы (доминирующие или “восходящие” классы капиталистов, менеджеров и экспертов) практически во всех

обществах проявляют заметно более высокий уровень политической мобилизованности — как в формах электоральной, партийно-политической активности, так и в неорганизационных формах активных действий. Этим классам “есть что терять” и их политическая мобилизация направлена на укрепление/улучшение общественной системы, сохраняющей доминацию их ресурсных позиций. В странах с более успешным постиндустриальным развитием более высокую активность проявляют классы капиталистов и экспертов. В иных странах заметно более высокую активность демонстрирует класс управленцев.

Эмпирические данные подтверждают вывод о слабой политической мобилизации (в конвенциональных формах) современного “пролетариата” (все слабонересурные классы). Фактически подтверждается тезис об отходе современного пролетариата от классовой борьбы в конвенциональных формах в странах как “исторического”, так и постсоциалистического капитализма. Возможное объяснение приведенных данных связано с использованными для анализа (и доступными в базе данных ESS) индикаторами политической мобилизации, среди которых отсутствуют индикаторы протестной активности, способные быть более чувствительными к проявлениям мобилизации слабонересурных социальных классов, неудовлетворенных системой общественных отношений.

Размытость политико-идеологических проявлений классового сознания во всех проанализированных типах стран, концентрация данных проявлений вокруг “лево-правого центра” независимо от классовой принадлежности индивидов свидетельствует либо о продолжающейся “универсализации партикулярностей” [Kutsenko, 2010] ценностного сознания классов под влиянием глобализации и развития информационного капитализма, либо о “старомодности” “лево-правого” способа измерения идеологического пространства, гносеологической непригодности данной шкалы, что требует проверки. Вместе с тем шкала “лево-правых” политических измерений сознания классов показала некоторую чувствительность в измерении различий между классами в развитых капиталистических странах, где ожидаемые различия в направленности политических ориентаций классов подтвердились. В то же время в постсоциалистических странах данная шкала совершенно не работала.

Наиболее высокие показатели политической (неконвенциональной) мобилизованности (значения индекса см. в Приложении, табл. VII) в сравнительном ряду типов стран демонстрируют *все классы* в развитых капиталистических обществах с сильным постиндустриальным сегментом экономики (тип А). В этих же странах — и наиболее высокие индексы различия политической мобилизованности классов. Наиболее высокая мобилизованность классов проявляется по меритократическому расколу (9,1 балл), далее — по историческому капиталистическому расколу (7,9) и наконец — по организационному расколу (6,8). Такой результат в целом отвечает выдвинутой выше основной гипотезе 1 (см. табл. 1).

По совокупному показателю различий в политической мобилизованности классов на втором месте в сравнительном ряду типов стран неожиданно оказалась группа центральноевропейских постсоциалистических стран (тип В). Наиболее высокие проявления и различия в мобилизации классов — по меритократическому расколу, что может свидетельствовать о высокой пози-

тивной динамике постиндустриального развития данных обществ (международная статистика подтверждает этот факт — см. табл. 1). Для этого типа обществ в целом оказались высокозначимыми проявления мобилизации классов по организационному и капиталистическому расколам, что также подтверждает основную гипотезу 3.

В менее успешных в экономическом развитии капиталистических странах продолжают доминировать традиционные для капитализма и высокоорганизованных форм обществ “исторический капиталистический” и “организационный” расколы: конвенциональная политическая мобилизация классов по данным линиям расколов высока, что полностью подтверждает основную гипотезу 2. Вместе с тем различия в мобилизованности классов являются заметно более низкими по сравнению с более успешными капиталистическими странами. В чем причина такого состояния? Можно предположить, что состояние экономики, доступность ресурсов, эффективность правления и состояние гражданского общества в странах сказываются в проявлении различий и уровня политической мобилизованности классов. Имеют ли значение особенности национальной политической культуры, модальный тип личности (активный/пассивный, созерцательный и пр.), типологические черты национального характера? Эти вопросы требуют специального изучения.

В постсоциалистических странах типа Г ожидалось более значимые различия в уровнях политической мобилизованности классов по линии организационного типа раскола по сравнению с другими расколами; и мало значимые — по линии меритократического раскола. Допущения основной гипотезы 4 подтвердились лишь отчасти. Заметно более значимые различия в политической мобилизованности продемонстрировали классы по линии капиталистического раскола (именно эти структуры стали доминирующими в данных типах обществ). Высокозначимыми остаются различия между классами по организационной линии раскола. Как и предполагалось, различия в классовой мобилизации по меритократической линии наименьшие в странах указанного типа, что соответствует и статистическим показателям их постиндустриального развития (табл. I Приложения).

В украинском обществе политическая мобилизованность классов в целом низкая и по своим проявлениям выглядит иной в сравнении с российским обществом. На общем фоне низкой мобилизованности заметно более активно в политической сфере проявляют себя доминирующие классы: именно классы капиталистов, управленцев и экспертов в “ограждении” своих интересов наиболее активно используют инструменты политических выборов, а классы управленцев и экспертов — инструменты политических партий и партийного влияния. Проявилась и особенность конвенциональной политической мобилизации промежуточного класса мелких предпринимателей, которые больше ориентированы на инструменты неорганизованных форм политической активности, чем на участие в выборах или политических партиях. В системе классовых отношений только класс экспертов (относительно многочисленный и функционально малоэффективный по сравнению с аналогичным классом в успешных капиталистических и постсоциалистических центральноевропейских обществах) демонстрирует левоцентристские политико-идеологические ориентации. Политическое сознание всех остальных классов по линиям расколов обнаруживает некоторое смещение “вправо”, что не позволяет дифференцировать специфику классов-

вых интересов и отстаивать их в активных политических формах. Думается, что такое состояние является результатом незавершенного процесса классово-формирования в украинском обществе, что, в свою очередь, есть прямым следствием незавершенных рыночных реформ, политико-экономической неуспешности страны в течение всего периода постсоциалистической трансформации и отсутствия политической культуры участия, задающей образцы индивидуальной и коллективной реализации классовых интересов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Показатели состояния экономики, постиндустриального сегмента и социально-экономических неравенств в выборке стран

Страны	ВВП на душу (по ППС), в дол. США, 2011 ^a	Ранг в мире по ВВП на душу ^a	Индекс знания (КИ, от 0 до 10), 2012 ^b	Ранг в мире по индексу экономики знания (KEI) ^b	Индекс неравенства Джини, 2011–2012 (от 0 до 100) ^c	Индекс состояния рыночной экономики по ВТИ, (от 1 до 10) 2012 год ^d
Нидерланды	42300	16	9,22	4	29	–
Великобритания	35900	33	8,61	14	34	–
Франция	35000	35	8,36	24	33 (2008 год)	–
Греция	27600	49	7,74	36	32	–
Португалия	23200	58	7,34	34	36	–
Чехия	25900	52	8,00	26	26	9,6
Венгрия	19600	64	7,93	27	31	8,6
Польша	20100	63	7,20	38	34	8,9
Болгария	13500	90	6,61	45	45	7,9
Россия	16700	70	6,96	55	42	6,1
Украина	7200	131	6,33	56	28	5,8

Источники:

^a GNI per capita // The World Bank data–2012:

<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD>

^b KEI and KI Indexes // The World Bank Data–2012:

http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp

^c Gini coefficient // Eurostat-2012:

http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_di12&lang=en ;
<http://www.bti-project.org/country-reports>

^d Transformation Index ВТИ 2012: <http://www.bti-project.org/country-reports/ecse>

Таблица II

Количественная наполненность альтернативных классовых позиций по линиям ресурсных расколов по группам стран, % в группе, взвешено на численность населения в странах

Альтернативные классовые позиции	Типы стран					Средний % по странам
	А (GB FR NL)	Б (PT GR)	В (PL CZ HU)	Г (RU BG)	Украина (UA)	
<i>Исторический капиталистический раскол</i>						
Капиталисты	10,6	9,3	7,0	6,7	9,2	8,5
Мелкие предприниматели	7,2	16,7	11,1	2,2	3,5	6,0
Рабочие	44,0	54,8	63,0	71,8	69,2	59,9
Другие	38,2	19,2	19,0	19,2	18,0	25,6
<i>Организационный раскол</i>						
Управленцы	28,2	12,8	13,6	12,1	15,8	18,3
Управляемые	53,8	60,3	67,8	76,8	74,4	66,6
Другие	17,9	26,9	18,6	11,1	9,8	15,1
<i>Меритократический раскол</i>						
Эксперты	11,4	4,1	8,5	13,4	15,4	11,8
Обслуживающие	48,0	47,0	43,8	46,1	41,7	46,0
Другие	40,6	48,9	47,7	40,5	42,9	42,2

Таблица III

Электоральная активность классов, в % к участвовавшим в последних национальных выборах, по группам стран

Альтернативные классовые позиции	А (GB FR NL)	Б (PT GR)	В (PL CZ HU)	Г (RU BG)	Украина (UA)
<i>Исторический капиталистический раскол</i>					
1. Капиталисты	80,0	88,1	83,0	77,7	95,0
2. Мелкие предприниматели	74,9	86,2	70,2	67,4	61,7
3. Рабочие	64,0	74,2	68,4	71,8	81,0
<i>Организационный раскол</i>					
4. Управленцы	77,2	83,2	82,4	76,6	94,6
5. Управляемые	64,7	74,4	69,2	71,5	81,5
<i>Меритократический раскол</i>					
6. Эксперты	80,0	81,4	89,5	76,3	91,7
7. Обслуживающие	64,2	74,6	69,3	70,9	81,2

Таблица IV

Неорганизационные формы политического участия классов по группам стран, средние показатели участия за последние на момент опроса 12 месяцев (средние, от 0 = min до 5 = max)

Альтернативные классовые позиции	А (GB FR NL)	Б (PT GR)	В (PL CZ HU)	Г (RU BG)	Украина (UA)
<i>Капиталистический раскол</i>					
Капиталисты	1,06	0,43	0,47	0,38	0,24
Мелкие предприниматели	1,08	0,26	0,28	0,11	0,39
Рабочие	0,81	0,29	0,43	0,24	0,26
<i>Организационный раскол</i>					
Управленцы	1,10	0,51	0,53	0,32	0,34
Управляемые	0,81	0,29	0,24	0,25	0,26
<i>Меритократический раскол</i>					
Эксперты	1,22	0,57	0,70	0,31	0,27
Обслуживающие	0,78	0,30	0,19	0,24	0,26

Таблица V

**Членство в политических партиях,
% состоящих в одной из политических партий, по группам стран**

Альтернативные классовые позиции	А	Б	В	Г	Украина
<i>Капиталистический раскол</i>					
Капиталисты	4,5	8,2	4,0	9,8	2,7
Мелкие предприниматели	3,7	5,9	0,9	2,6	1,8
Рабочие	1,8	4,4	0,9	3,7	2,9
<i>Организационный раскол</i>					
Управленцы	4,2	8,7	3,9	8,2	4,5
Управляемые	1,7	4,2	0,9	3,6	3,1
<i>Меритократический раскол</i>					
Эксперты	4,5	5,1	5,3	5,6	4,6
Обслуживающие	2,0	4,5	0,6	3,2	2,7

Таблица VI

**Идеологическое самопозиционирование классов по группам стран,
средние значения по шкале от 0 “левые” до 10 “правые”**

Альтернативные классовые позиции	А	Б	В	Г	Украина
<i>Капиталистический раскол</i>					
Капиталисты	5,33	5,29	5,98	5,19	5,00
Мелкие предприниматели	5,19	5,42	5,86	5,88	5,18
Рабочие	4,79	4,78	5,64	5,28	5,09
<i>Организационный раскол</i>					
Управленцы	4,94	5,01	5,76	5,16	5,14
Управляемые	4,83	4,76	5,65	5,31	5,06
<i>Меритократический раскол</i>					
Эксперты	4,88	4,90	5,81	5,40	4,89
Обслуживающие	4,91	4,77	5,65	5,31	5,12

Таблица VII

**Различия уровней политической мобилизации между классами
по линиям расколов в 4 типах стран и Украине**

Альтернативные классовые позиции по типам стран	Электоральная активность ^a	Неорганизованная политическая активность ^b	Партийная активность ^a	Индекс различия в политической мобилизованности классов ^c
Тип А (GB FR NL)				
Капиталисты – рабочие	16	0,25	2,7	7,9
Управленцы – управляемые	12	0,29	2,5	6,8
Эксперты – обслуживающие	16	0,44	2,5	9,1
Тип Б (PT GR)				
Капиталисты – рабочие	14	0,14	3,8	6,9
Управленцы – управляемые	9	0,22	4,5	6,0
Эксперты – обслуживающие	6	0,27	0,6	4,0
Тип В (PL CZ HU)				
Капиталисты – рабочие	15	0,04	3,1	6,3
Управленцы – управляемые	13	0,29	3,0	7,3
Эксперты – обслуживающие	21	0,51	4,7	12,0
Тип Г (RU BG)				
Капиталисты – рабочие	6	0,14	6,1	5,0
Управленцы – управляемые	5	0,07	4,6	3,7
Эксперты – обслуживающие	5	0,07	2,4	2,9

Украина (UA)				
Капиталисты — рабочие	14	-0,02	0,2	4,6
Управленцы — управляемые	13	0.08	1,4	5,3
Эксперты — обслуживающие	11	0.01	1,9	4,4

^a Различие процентов.

^b Различие средних.

^c Индекс может принимать значения от 0 (отсутствуют различия, альтернативные классы одинаково мобилизованы) до 100 (один класс абсолютно мобилизован, в то время как альтернативный — никакой активности не проявляет).

Источники

Ворона В. Клас, що виробляє матеріальне багатство нації (Замість передмови) / В. Ворона // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К.: ІС НАНУ, 2010. — С. 3–21.

Дубровский В. Движущие силы нежелательных реформ: уроки украинского переходного периода / [Дубровский В., Ширмер Я., Грейвс-Третий У., Головаха Е., Гарань А., Павленко Р.] // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 1. — С. 56–72.

Куценко О.Д. Структурування інтересів економіко-політичних еліт у процесі ринкових перетворень в Україні / О. Куценко // Політичний менеджмент: укр. наук. журн. — 2005. — № 1. — С. 78–89.

Куценко О. Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современных обществах: опыты западной социологии / Куценко О. — Х.: Вид. центр Харків. нац. ун-ту ім. В. Каразіна, 2000. — 316 с.

Куценко О. Самоидентификации с классами: проявление образа классовой структуры постсоветского общества. Гл. 5 / О. Куценко // Классовое общество. Теория и эмпирические реалии. — К.: ІС НАНУ, 2003. — С. 194–220.

Куценко О. Сохраняют ли значение классовые основания политического участия? / О. Куценко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 92–115.

Сассен С. “Креативный класс” как симптом регресса [Электронный ресурс] / С. Сассен // Terra America. — 2012. — 27 апр. — Режим доступа: <http://www.terra-america.ru/intellektualov-vitesnilo-soslovie-trepachei.aspx>.

Симончук Е. Классовое действие: тенденции формирования социальных классов в Украине / Е. Симончук // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 4. — С. 50–96.

Симончук Е. Классовое сознание: опыт сравнительного эмпирического изучения / Е. Симончук // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 4. — С. 56–84.

Симончук Е. Классовые структуры в сравнительной перспективе / Е. Симончук // Украинское общество в европейском пространстве / под ред. Е. Головахи, С. Макеева. — К.: ІС НАНУ, 2007. — С. 33–104.

Andersen P.L., Nordli M., Hansen I. Class and Cultural Capital: The Case of Class Inequality in Educational Performance / Andersen Patrick Lie, and Marianne Nordli. — S.I.: Oxford University Press, 2011.

Benschop A. CLASSES. Outline of a Transformational Class Analysis / Benschop A. — Amsterdam: Het Spinhuis, 1993.

Brewer M.D., Stonecash J.M.S.: Class and Cultural Divides in American Politics / Brewer Mark D., Stonecash J.M.S. — Washington DC: CQ Press, 2007.

Espin-Andersen G. (Ed.) Changing Classes. Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies / ed. by Espin-Andersen G. // SAGE Studies in International Sociology. — 1993. — P. 7–17.

Eurostat-2012 [Electronic resource]. — Mode of access :
http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_di12&lang=en.

Florida R. The Rise of the Creative Class. Why Cities without gays and rock bands are losing the economic development race [Electronic resource] / Florida R. — Washington Monthly. — 2002. — May. — Mode of access :
<http://www.washingtonmonthly.com/features/2001/0205.florida.html/>

Goldthorpe J. Education-based meritocracy: The barriers to its realization / J. Goldthorpe, M. Jackson // Social Class: How Does it work? / A. Lareau, D. Conley (Ed.). — N. Y. : Russel Sage Foundation, 2008. — P. 93–117.

Kendall D. Class in the United States: Not only alive but reproducing / D. Kendall // Research in Social Stratification and Mobility. — 2006. — Vol. 24. — P. 89–104.

Kutsenko O. Class formation process in Ukrainian society: the post-Communist dynamics / O. Kutsenko // Sysiphus. Social Studies. IFIS PAN Journal. — 2002. — Vol. XVI. — P. 137–152.

Kutsenko O. Individualism — Universalism Duality and Social Classes: comparing Ukraine, Poland, and Germany / O. Kutsenko // New Europe: Growth to Limits? / ed. by S. Eliaeson, N. Georgieva. — Oxford, UK : The Bardwell Press, 2010. — P. 371–409.

Lane D. Elites and Classes in the Transformation of State Socialism / Lane D. — New Brunswick ; London : Transaction Publishers, 2011.

Lareau A., Conley D. (Ed.) Social Class: How Does it work? / Lareau A., Conley D. (Ed.). — N. Y. : Russel Sage Foundation, 2008.

Leiulfsrud Håkon, Ivano Bison & Erling Solheim. SOCIAL CLASS IN EUROPE II [Electronic resource] / Leiulfsrud Hekon, Ivano Bison & Erling Solheim // European Social Survey 2002–2008. — Norway, Italy, 2010. — P. 9–11, 25–28. — Mode of access :
<http://www.svt.ntnu.no/iss/ESSReport2010.pdf>.

Mouffe Ch. Hegemony and New political Subjects: Towards a new Concept of Democracy / Ch. Mouffe // Readings in Contemporary Political Sociology / Kate Nash (Ed.). — Blackwell Publishers, 2000. — P. 295–309.

Sen A., Nussbaum M. (Eds) The Quality of Life / A. Sen, M. Nussbaum (Eds). — Oxford : Clarendon Press, 1993.

The Transformation Index-2012 [Electronic resource]. — Mode of access :
<http://www.bti-project.org/country-repor>.

The World Bank data-2012 [Electronic resource]. — Mode of access :
<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD>.

Therborn G. Global Inequality: The Return of Class / Therborn G. // Global Dialogue. Newsletter for the International Sociological Association. — 2011. — September 30. — Vol. 2, Is. 1.

Therborn G. Meaning, Patterns, and Forces of Inequalities / Therborn G. — London : Verso, 2006.

Transformation Index BTI 2012 [Electronic resource]. — Mode of access :
<http://www.bti-project.org/country-reports/ecse>.

Wright E.O. Class Counts. Comparative Studies in Class Analysis / Wright E.O. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997.